

Плейлист

«Pardon Me», «Drive», «Wish You Were Here» —
Incubus

«Bittersweet Symphony» — the Verve

«River of Deceit» — Mad Season

«Blurry» — Puddle of Mudd

«Don't Look Back in Anger» — Oasis

«Shimmer», «Hemorrhage» — Fuel

«Today» — the Smashing Pumpkins

Глава 1

Иден

— **Н**е оглядывайся, — говорит моя подруга Гретхен с понимающей ухмылкой. — Приближается беда.

Как будто я не знаю.

Алекс Браун, шестифутовый бог хоккея, источник озорных выходок. Проблема в том, что озорство мне нравится. Во всяком случае, когда дело касается его. В какой хорошей девочке нет капельки чего-то дурного?

Но, если не считать одного **идеального** поцелуя украдкой, я все еще не уверена, что Алекс вообще знает, какая я.

И кто я на сегодняшний день?

В старших классах я была дочерью губернатора. Старшим ребенком обеспеченной, консервативной семьи, умной, целеустремленной, непоколебимой в собственных убеждениях девушкой.

Но теперь? За три года в Саттоне, маленьком университете Бостона, ставшем моим новым домом... я изменилась, и моя семья тоже.

Папа больше не губернатор. Нет, все закончилось ужасно, со скандалом, в котором была замешана его секретарша, и мои родители развелись. Что ж, изнутри меня прямо-таки терзает желание совершить что-нибудь безрассудное. Я хочу сделать что-то для себя, и только для себя.

И Алекс Браун в самом верху этого списка дел.

Гретхен в курсе, потому и пихает меня сейчас локтем под ребра, пока Алекс входит в переполненную гостиную.

Вечеринки, устраиваемые студенческим братством, обычно не наша фишка, но сегодня хоккейная команда выиграла, а значит, они празднуют победу. То есть у меня есть отличный шанс вновь пересечься с Алексом. Так что я надела джинсы в обтяжку и милый черный укороченный топ, завila волосы и вытащила с собой Гретхен.

Алекс вновь подносит бокал ко рту и делает большой глоток. Один из товарищей по команде едва ли не сражается с ним, и его губы расплываются в улыбке. Я заворожена точеной линией его подбородка. Ровными белыми зубами. Растрепанными темно-русыми волосами. Натурой проказника.

— Сегодня — та самая ночь, — говорит Гретхен, и я киваю.

— Да, — бормочу я, на мгновение лишившись дара речи. Трепет у меня внутри — это отчасти возбуждение, отчасти — страх. Страх быть отвергнутой силен, он поднимает свою уродливую голову всякий раз, когда я представляю, как подхожу к Алексу и говорю ему, чего хочу.

И все, чего я хочу — это он.

Наш поцелуй в прошлые выходные на похожей вечеринке всю неделю вертелся у меня в голове. Алекс разбил много сердец по всему кампусу,

но в ту ночь я кое-что почувствовала, искру между нами. На одно короткое, потрясающее мгновение его взгляд встретился с моим, и я перестала быть скучной студенткой строгой морали и со слишком большим количеством обязанностей. Я стала веселой, смелой и желанной.

Для него это наверняка было каким-то глупым вызовом, но для меня — чем-то гораздо-гораздо большим. По коже бежали мурашки, а сердце сбивалось с ритма.

Губы Алекса были потрясающе эротичными, сексуальными и властными, мои колени буквально дрожали. Я потянулась, одной рукой уперевшись в его крепкое плечо, в попытке сохранить равновесие, чувствуя, что просто упаду без поддержки. Его язык касался моего уверенными, размеренными движениями, и я издала негромкий стон удовлетворения.

Что на самом деле не удивительно. У Алекса определенная репутация в хоккейной команде. Этот парень — игрок. Дверь его комнаты практически не закрывается, впуская и выпуская горяченьких девчонок, и все они ищут лишь одного — жаркой, веселой ночи с ним. И мне не стыдно признать, что я одна из них.

За прошедшую неделю я провела небольшое расследование и узнала, что Алекс получает полную спортивную стипендию хоккеиста, что он лучший из новичков и, как ожидается, в следующем году подпишет контракт с НХЛ и не будет заканчивать свой выпускной год в Саттоне.

А значит, мне нужно действовать быстро, пока он не переехал.

К тому же я — не из тех девушек, что сидят сложа руки и ждут, пока что-нибудь случится. Я скорее из тех, кто хватается за жизнь за яйца. По крайней

мере, так было в последнее время. После фиаско отца я поняла: ничто не длится вечно, и лучше всего брать, что хочешь, пока есть шанс.

Но мое окно возможностей закрывается прямо на глазах.

Мы с Гретхен наблюдаем, как к Алексу подходит бойкая блондинка из «Каппа Ну». Он улыбается ей, пока та что-то болтает, его взгляд опускается с ее губ на пышную грудь. Ее губы изгибаются в улыбке, а затем она берет его большую ладонь и тянет за собой через гостиную и вверх по лестнице. И Алекс послушно следует за ней.

Все внутри меня обрывается.

Гретхен обеспокоенно смотрит на меня.

— Дерьмо.

Я пожимаю плечами, стараясь не показывать разочарования.

— Все нормально, — вру я.

Это совершенно иррационально, но вспышка неприятия жалит, будто пчела. В сочетании с тем, что моя семья теперь впала в немилость, а на меня возложены большие надежды, это уже слишком.

Я воображала, что мы с Алексом станем сильной парой. Он — спортивная звезда с широкой лучезарной улыбкой и жизнерадостным взглядом на мир, я — с мозгами, напористостью и связями. Он бы увидел, какая мы идеальная пара, и отказался бы от своих мальчишеских привычек. Каждый парень должен однажды повзрослеть, ведь так? И если Иден Винн — не из тех девушек, с которыми можно остепениться, то, с кем, черт возьми, вообще?

Моя фамилия — это моя мантра. «Винн». Победа любой ценой. Со мной только так.

Гретхен все еще встревоженно наблюдает за мной.

— Сейчас вернусь. Найду что-нибудь еще выпить. — Мой голос звучит спокойно, но внутри я этого вовсе не ощущаю. Я чувствую, что теряю контроль, будто на одном из тех аттракционов на карнавале.

Гретхен мрачнеет, но кивает. Я не вполне уверена, что она верит мне, но плевать.

Торопливо поднимаюсь по лестнице как раз вовремя, чтобы увидеть, как Алекс с девушкой исчезает в спальне. Сердце стучит в болезненном ритме. Не так я планировала провести сегодняшний вечер.

Дверь не закрывается полностью, как ожидалось, и я замираю там, посреди коридора. Не смею сдвинуться с места, поскольку скрипучие доски пола, несомненно, выдадут меня. Музыка снизу доносится как едва слышный, отдаленный ритм, поэтому можно различить тихое шуршание одежды.

— Боже, — стонет Алекс.

Я вовсе не это ожидала увидеть. Мне представлялась страстная сцена, включающая в себя жаркие прикосновения, объятия и поцелуи. Такие, что можно прочувствовать глубоко в душе. Наши с ним поцелуи, о которых я мечтала всю неделю.

Но Алекс стоит, словно высеченная каменная статуя, мускулистый и неподвижный, если не считать грудь, вздымающуюся от быстрых, неглубоких вдохов. Его взгляд опущен, сосредоточен на девушке, опустившейся перед ним на колени. Ее руки быстро расстегивают пряжку ремня. Я слышу лязг металла, и мое сердце сжимается.

Точка обзора у меня не слишком выгодная, но и так все становится понятно, когда она высвобождает его член. Ее голова начинает раскачиваться, а он издает сдавленный звук.

— **Твою мать.**

Он стонет, зажмуриваясь и сгребая ее волосы в кулак. Я с усилием набираю воздух в легкие и, пошатываясь, отступаю на шаг назад.

— **Шпионишь?**

Низкий, хриплый мужской голос, раздавшийся в коридоре, пугает меня, и я резко оборачиваюсь. Сердце подскакивает к горлу.

— **Нет.**

Слово слетает с моих губ в тот момент, когда я понимаю, кто именно стоит за моей спиной.

Холт Росси.

Если Алекс — золотой спортсмен, то Холт — задумчивый одиночка. Внушительный, сильный мужик. И, стоя тут перед ним, я чувствую себя слегка некомфортно. На самом деле он просто огромный. Грудь и плечи широкие. Точеный подбородок. И раздражение в глазах.

— Я искала, чего бы еще выпить. Пиво ужасное. — Это не совсем ложь.

— Напитки на кухне. — Он бросает на меня укоризненный взгляд, но, еще помедлив, кивает в сторону коридора. — Пошли.

По какой-то странной причине я слеую за ним. Может, потому, что он поверил в мою ложь. А, может, на самом деле я просто не хочу видеть и слышать, как моему романтическому интересу делают минет.

Мы с Холтом вместе ходили на английский на первом курсе, а на втором у нас было два общих предмета. На одном из них нас поставили партнерами в проекте на весь семестр. Затем он решил, что будет специализироваться на уголовном праве, и наши совместные занятия прекратились. В этом году я видела его всего несколько раз. Его волосы отросли, и выглядит он так, словно забыл про

бритье, но глаза все те же, темно-серые, выразительные, со скрытой глубиной, которую я никогда до конца не понимала.

Он отпирает дверь, и я следую за ним. Мне требуется минута, чтобы осознать, что я в его спальне. Это небольшая комната, расположившаяся, по видимому, на перестроенном чердаке, с обшитыми деревянными панелями стенами и скошенным потолком, который заставляет его пригнуться, когда мы входим.

— Ты живешь тут?

Он кивает.

— Переехал прошлым летом. Зато платить не надо.

— С чего вдруг Тета не берет с тебя денег?

Я знаю, он не состоит в братстве. И практически уверена, что он против всех тех вещей, за которые ратует любое братство, то бишь веселья, товарищества и братской любви. Холт Росси не любит полагаться на кого бы то ни было, кроме себя.

— С того, что я занимаюсь с первокурсниками и работаю, поддерживая порядок на территории.

Я киваю.

— Понятно.

Холт достает из комода серебристую флягу и протягивает ее мне. Я, конечно, не жажду испить то, что внутри. Плевать, что это. Никогда не была большой любительницей выпивки, но поскольку я солгала ему, будто ищу тут, чего бы выпить, мне не хочется разрушать свою легенду.

Я беру фляжку и делаю маленький глоток. На удивление идет гладко, но на языке остается привкус виски.

Когда я возвращаю ему флягу, Холт подносит ее ко рту, прижимаясь губами к горлышку, где секунду назад были мои губы, и делает большой глоток.

ток. Думая об этом, я ощущаю странную вспышку чего-то чуждого и отвожу взгляд.

Его спальня обставлена скудно: двухместная кровать на металлическом каркасе, без изголовья и с одной подушкой. Я сплю по меньшей мере с шестью подушками. Чересчур? Да, но мне нравится.

Комод высокий и узкий. Один из ящиков провисает, будто его выдернули с рельсы и так и не вернули на место. Под маленьким круглым окном стоит письменный стол, кряхтящий под тяжестью учебников и древнего ноутбука.

Впервые я задумываюсь о Холте, о его истории, о том, что ему нравится и с какими девушками он встречается.

Если я — благовоспитанная, коей меня все считают, то Холт — полная противоположность этому. Он из рабочей семьи и, насколько я знаю, учится тут по стипендии, полученной за высокую успеваемость. Вполне естественно, что я интересуюсь им. Так ведь?

— Ты не в его вкусе. — Глубокий голос Холта вновь выдергивает меня из раздумий.

— А?

— Браун.

Я пожимаю плечом, стараясь выглядеть безразличной, но слова Холта пронзают насквозь, выбивая воздух из легких.

На этот раз, когда он передает мне флягу, я принимаю ее охотно, благодарная за возможность отвлечься. Я делаю глоток побольше, позволяя горячительному напитку теплой струйкой пролиться в мое нутро.

— Почему это я не в его вкусе? — Я вытираю рот тыльной стороной ладони.

— Потому. — Холт пожимает плечами, забирая флягу и опустошая ее. — Ты хорошая девоч-

ка. От тебя исходит вайб постоянной подружки. А я практически уверен, у Брауна аллергия на мо-ногамию.

Его слова ранят, но, если задуматься, приходится признать, что в них есть смысл. Если Алекс и правда переведется в следующем году в НХЛ, за-чем ему заводить девушку?

Холт отодвигает стул, аккуратно задвинутый на место под письменным столом, и предлагает мне сесть. Я сажусь, а он занимает место в изно-жье кровати.

Алекс прекрасно сложен в своей суровой хок-кейной манере, с его мускулистыми бедрами, массивными предплечьями и растрепанными во-лосами. От Холта же исходит энергетика горячего плохого парня. Он высокий, даже крупнее Алекса, и, судя по жесткой щетине на его подбородке, его лицо неделями не видело бритвы. Но глаза у него хорошие, теплые, словно топлёный мед. Мне всегда нравились его глаза.

— Не важно, — в конце концов говорю я, пони-мая, что Холт все еще рассматривает меня, словно бабочку, попавшую в сеть паука. — Этого не слу-чится. Не сейчас. — Я смотрю через комнату, на дверь, где всего в нескольких шагах по коридо-ру Алекс Браун, вероятно, трахает в горло какую-то бедную счастливицу.

Тон Холта смягчается.

— Он не заслуживает этого, ты ведь знаешь, да?

Понятия не имею, с чего он такой проницатель-ный. Откуда ему знать, что я планировала на ве-чер с Алексом? Ему я об этом не рассказывала.

— Этого? — «*Это*», скорее всего, довольно грубая отсылка на чью бы то ни было девствен-ность, и мой тон более чем явно намекает на раз-дражение.